

СВЕТЛАНА СЕРВИЛИНА

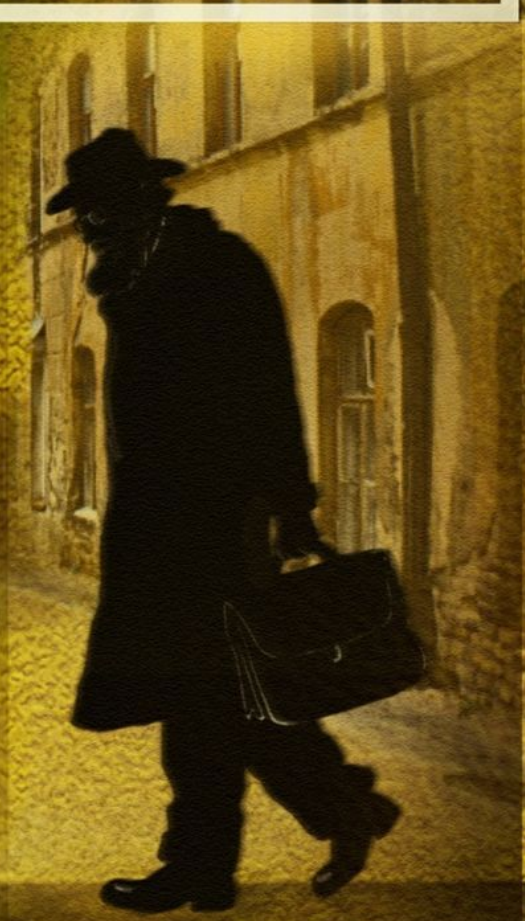
ON
AIR

ДЕТЕКТИВ

ПРОПАВШАЯ
ПАСТОРАЛЬ

AUGUST LEPAGE
(1865)

Светлана Сервилина

Пропавшая пастораль

«Издательские решения»

Сервилина С.

Пропавшая пастораль / С. Сервилина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901235-7

Журналистка Юлия Симонова в отчаянии: она влюбилась в сотрудника, да ещё и женатого. А как же Андрей? Чтобы не заниматься самобичеванием, она с головой уходит в расследование жестокого убийства молодой женщины. В областной картинной галерее обнаружена пропажа полотна всемирно известного художника. Неожиданно события переплетаются необыкновенным образом. И при чем здесь теоретик космонавтики Константин Циолковский?

ISBN 978-5-44-901235-7

© Сервилина С.
© Издательские решения

Содержание

1995 год.	6
1. Картина маслом	7
2. Городской пейзаж с зелёными лягушками	16
3. Сюжетная картина с хохломой	24
4. Портреты в унылом интерьере	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пропавшая пастораль

Светлана Сервилена

Дизайнер обложки Николай Красненко

© Светлана Сервилена, 2018

© Николай Красненко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-1235-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлана Сервилена

Посвящаю моему мужу Николаю

1995 год.

Слабый свет фонарика осветил картину. Луч бегло скользнул по холсту и на мгновение застыл на лице молоденькой девушки. Склоненная головка со светлыми косичками, алые губы с легкой улыбкой. Рядом с пастушкой сидит мохнатый рыжий пес и зорко поглядывает на белых козочек, щиплющих зеленую траву... Раздался слабый щелчок, и фонарик потух. Рука в перчатке потянулась к массивной рамке и ловко сняла ее со стены.

1. Картина маслом

Октябрь 2003 год.

Воскресная съемка в городском центре молодежи закончилась раньше намеченного времени, и сразу после работы журналистка Юлия Симонова направилась в гости к родителям. Домой идти совсем не хотелось. Она чувствовала, что их отношения с Андреем заметно испортились. А, может быть, ей просто так казалось. Майор уголовного розыска Осипов по-прежнему был к ней внимателен и ласков, но в ней самой что-то оборвалось. В последние пару месяцев он часто бывал в служебных командировках, а редкие романтические вечера со свечами превратились в обыкновенное поедание ужина. Юля позвонила, нажав на кнопку звонка, и через несколько секунд услышала родной голос с хрипотцой:

– Кто?

– Конь в пальто! – ответила она, неожиданно вспомнив их давнишний шуточный пароль. Дверь распахнулась и Людмила Алексеевна, оглядев дочь, с иронией произнесла:

– Пальто – отличное!

– А конь? – засмеялась Юля.

По коридору зашлепали босые ноги.

– Мамуся, привет! – Марта обхватила гостью руками. – А мы с бабулей уроки делаем, – сообщила она.

– Давайте устроим переменку в ваших занятиях? – предложила Юлия, посмотрев на маму и дочь.

Марта улыбнулась, а Людмила, обняв двух своих самых близких девочек, кивнула в сторону кухни:

– Будем ужинать!

Юля заглянула в комнату отца и поинтересовалась его здоровьем. Тот, на секунду оторвавшись от телевизора, ответил:

– Нормально.

– Мама, почему отец со мной не разговаривает? – спросила она, усаживаясь за кухонный стол.

– Не обращай внимания, он сегодня не в духе, – махнула она рукой, – час назад приходила медсестра из поликлиники и неудачно сделала ему укол, нечаянно проколола вену. Вот он и злится на весь мир.

– Понятно, – вздохнула Юлия.

– Мамуля, ты будешь «Птичье молоко»? – Марта достала из холодильника коробку с тортом.

– Пусть сначала плов поест, – ответила Людмила Алексеевна своей внучке и поставила тарелку перед дочерью, – а мы составим компанию!

После ужина Юля залезла в свой письменный стол, в нижнем ящике которого еще хранились ее школьные принадлежности. Все остальные полки были заняты учебниками и тетрадями Марты.

– Мам, а где мои конспекты из художественной школы? – спросила она у Людмилы Алексеевны.

– Я их упаковала и убрала на антресоли, чтобы не мешались, – мама кивнула вверх, – хочешь порыться?

– У меня завтра съемка в областной картинной галерее. А я помню, что мы по истории искусств разбирали самые известные полотна, собранные там. Хочу освежить знания.

– Ну тогда бери стул и ищи.

Не прошло и пяти минут, как Юля, достав сверху пару коробок, обложила старыми конспектами прямо на полу.

– Мамочка, это ты рисовала? – разворачивая свёрнутые листы ватмана, спросила девочка.

– Я, – улыбнулась журналистка, – даже не думала, что мои «художества» сохранились. Столько лет прошло!

– Мать всё бережет, – усмехнулась Людмила Алексеевна.

– Очень красиво! – проговорила Марта, разглядывая натюрморт с большими красными яблоками и керамической вазой, из которой трогательно торчали искусственные веточки гортензии.

– Вот, – обрадовалась Юлия, листая потрепанную общую тетрадь, – лекция о наиболее известных полотнах нашей картинной галереи! Я даже помню, что это нам рассказывала Лилия Борисовна Галицкая, – она посмотрела на свою мать и улыбнулась, – мы все ее так любили.

– Я помню твои восторженные отзывы о ней, – кивнула Людмила Алексеевна, – по-моему, ты никогда её занятия не пропускала!

– Точно! – согласилась журналистка. – Она преподавала в нашей группе живопись и историю искусств. Я заберу конспекты с собой, можно?

– Ну, что ты спрашиваешь? Это же твои записи, – женщина погладила взрослую дочь по голове, – ты такая же увлеченная, как и я.

На первом этаже областной картинной галереи стояли две журналистки. Юля знала их: одна была с радио, другая – из газеты. Она поздоровалась с коллегами и спросила:

– А где братья-телевизионщики?

– Да нет никого кроме нас, – уныло ответила «радистка», – событие так себе: приехала какая-то московская комиссия из Минкульта и для «галочки» посетит несколько местных культурных очагов. Что тут освещать?

– Да, статейка будет скучноватой, – согласилась корреспондентка из газеты и пожала плечами.

– Ну и ладно, – ответила Симонова и поспешила к входу.

Там появился оператор Николаев, нагруженный оборудованием для съемки. Юля ловко поддержала массивную дверь, чтобы он прошёл.

– Я подумал, ты про меня забыла, – буркнул он.

Пока Виктор закреплял камеру на штативе, к журналистам подошла директор картинной галереи Екатерина Дмитриевна Яровая.

– Всё, девочки, приготовьтесь. Только что звонили из Департамента, – она улыбнулась представителям прессы, – скоро гости будут здесь. Пойдемте на второй этаж, там у нас выставлены самые известные полотна.

И уверенно пошла вверх по широкой лестнице с витиеватыми коваными балясинами. Юля невольно залюбовалась директрисой. Именно такой, считала она, должна быть руководитель любой структуры: ухоженной, интеллигентной, со вкусом одетой и умеющей вести разговор. Ей уже не раз приходилось брать интервью у Яровой, и та всегда говорила по делу, красноречиво и с неизменной улыбкой.

Через несколько минут послышались шаги, и появилась высокопоставленная делегация: две женщины и мужчина. Двоих из них Юля знала. Антон Эдуардович Тельманов занимал должность исполняющего обязанности директора Департамента культуры области. Он носил бородку клинышком и неизменную «бабочку» на шее, по-видимому, претендуя на классический образ дирижёра. Рядом семенила его помощница по связям с общественностью – неунывающая Лена Пучкова. Несмотря на возраст, приближающийся к «ягодному», она всегда носила короткую юбку, и предпочитала красить свои пухлые губы в апельсиновый цвет. Женщина, шагающая уверенной походкой по другую руку Антона Эдуардовича, являлась яркой

противоположностью Пучковой. По её внешности можно было без труда определить, что она – из московской комиссии. Только проверяющая региональных коллег могла иметь вид прокурора и величественную прическу из некрашенных волос с благородной проседью. Макияж столичной гостьи был безупречен так же, как и элегантный костюм, идеально сидящий на стройной фигуре. Директор картинной галереи Яровая начала приветственную речь с благодарности местному руководству за помощь в организации экспозиции, а потом поведала о бесценной сокровищнице культурного наследия, выставленного в залах. Она изящно взмахивала кистью руки то в сторону одной картины, то другой, рассказывая о местных художественных достопримечательностях. Тетка из министерства молча слушала, сдвинув брови, потом резко подошла ближе к одной из картин и наклонилась, поправив на переносице очки.

– А почему у вас тут копия висит? – строго спросила она, оглянувшись на директора.

– Ну что вы, Светлана Юрьевна! – та суетливо подскочила к солидной гостье. – У нас в галерее только подлинники!

– Вот эта «Юнона пастушка» Огюста Лепаж, по вашему мнению, подлинник? – элегантная дама медленно выпрямилась, метнув взгляд на Екатерину Дмитриевну.

– Конечно, – растерянно проговорила директор.

– Это подделка, снимите её и немедленно отправьте на экспертизу! – тоном, не терпящим возражений, произнесла та.

– Подделка? – почти по слогам пролепетала Лена Пучкова.

– Видите ли, господа, в свое время я писала диссертацию по французской классической живописи девятнадцатого века, – голос высокопоставленной гостьи был холодно вежливым, – и именно полотнам Огюста Лепаж уделила особое внимание. Его кисть и стиль я знаю, как свои пять пальцев. На девяносто девять процентов я уверена, что это картина не подлинная.

– Не может быть! – нервно проговорила директор картинной галереи и посмотрела на Тельманова, будто ища поддержки.

– С этим мы обязательно разберемся, – с озадаченным видом пообещал он московской коллеге.

Она благосклонно кивнула, а Тельманов, повернувшись к немногочисленным представителям средств массовой информации, с натянутой улыбкой бодро предложил:

– Друзья, вы можете задать свои вопросы по поводу экспозиции, – будто намекая, что не стоит обращать особое внимание на неловкий момент с возможной подделкой известной картины.

– Простите, пожалуйста, – раздался робкий голос «радистки», протягивающей диктофон столичной гостье, – а как вы в целом оцениваете коллекцию картин нашей галереи?

На заученный вопрос, женщина из министерства дала столь же банальный ответ о бесценных творениях художников с мировым именем, как будто ничего не произошло. Она, как стервятник, смотрела на девицу, у которой слегка дрожала рука с диктофоном.

Газетчица молча что-то аккуратно записывала в блокнот. Симоновой стало как-то неловко за такую скучную пресс-конференцию, и она сделала шаг вперед.

– Насколько мне известно, Огюст Лепаж тщательно и подробно выписывал все детали на своих пасторальных при этом делая мазки слева направо, потому что был левшой, – начала, немного волнуясь, Симонова.

Все резко повернулись к ней.

– На этом полотне именно так они и расположены, – продолжила журналистка и в упор посмотрела на седовласую даму, – вы уверены в том, что картина – не подлинная?

Московская гостья ещё раз бросила взгляд на «Юную пастушку» и, повернувшись к неробкой журналистке, улыбнулась.

– Приятно, когда представители средств массовой информации разбираются в искусстве, – ее голос неожиданно стал необыкновенно мягким.

Антон Эдуардович одобрительно кашлянул.

– И мне бы очень хотелось, чтобы этот шедевр не оказался фальшивкой! – Светлана Юрьевна кивнула Тельманову и продолжила, глядя прямо в объектив камеры. – Дело в том, что, инспектируя региональные музеи изобразительного искусства по всей России, мы уже сталкивались с подобными случаями. К сожалению, предприимчивые люди изымали наиболее ценные картины, подменяя их на копии, – она вздохнула, – в лихие девяностые даже некоторые руководители, нечистые на руку, пользовались своим положением и вступали в соглашения с криминалом. Надеюсь, что в вашем городе, – она нарочито выделила слово «вашем», – дело обстоит не так. Если полотно «Юная пастушка» окажется лишь копией, то я уверена, что от руководства музея незамедлительно поступит заявление о краже и подмене в милицию. И будем надеяться, что подлинник вернут на своё законное место.

– Непременно, – раздался растерянный голос директора галереи.

– А я в свою очередь, – начал строго Тельманов после небольшой паузы и замолчал.

Он дождался, когда журналисты поменяют дислокацию и протянут микрофоны к его лицу, и только потом продолжил:

– Возьму под свой личный контроль этот вопиющий инцидент с подменой, потому что, – он посмотрел на начальственную московскую гостью своим бархатным взглядом, – в профессионализме Светланы Юрьевны я ни на секунду не сомневаюсь.

– А что конкретно вы предпримите в первую очередь? – смело спросила корреспондентка газеты.

– Ну, – Антон Эдуардович изобразил раздумье на своем породистом лице, – сначала, конечно, проведем тщательную экспертизу картины. Как говорится, все сделаем по букве закона. Рад сообщить вам, дорогие коллеги, что у нас есть специалисты, которые скрупулезно выполняют этот процесс. А я со всей ответственностью заявляю...

«Понесло мужика в сторону, – с усмешкой подумала Юля, – много пафоса и ничего конкретного. Научились в советское время по бумажкам речи читать, а теперь надо шевелить мозгами и быстро уметь принимать решения!»

– А когда в последний раз у вас проводилась экспертиза картин? – прервала его представитель министерства.

– Мы сейчас выясним, – он повернулся к директорисе, – Екатерина Дмитриевна, у вас есть данные?

– Да, конечно, – тут же ответила та, – в апреле девяносто пятого года.

– Значит, восемь с половиной лет назад! – Светлана Юрьевна покачала головой. – Период достаточно большой. Сотрудников, по-видимому, за это время поменялось не мало в вашей галерее, – в раздумье закончила она.

– Кадровой текучки у нас нет, – достойно ответила Екатерина Дмитриевна, – возможно, два или три человека уволились за это время.

Возвратившись на телестудию, Юля сразу отправилась к главному редактору.

– Карина Давидовна, что будем делать? Давать скандальный сюжет в новости или подождем до выяснения подлинности пасторали? – спросила она после того, как коротко изложила ход последних событий в картинной галерее.

– Пиши быстро текст! Представляешь, какой рейтинг будет у нашего канала? Ведь мы – единственные, кто обладает эксклюзивными интервью и информацией! Да, это будет бомба!

Юля пожала плечами, а редактор продолжила уже более спокойно:

– Ну, а если окажется, что столичный искусствовед ошиблась, это – не наша печаль!

Вечером, когда Андрей вернулся с работы, Юля с нескрываемым интересом рассказала ему о возможной подмене знаменитого полотна французского художника.

– Представляешь, это одна из самых редких и ценных картин нашей галереи! Как ее могли украсть? Там же на каждом этаже смотрители и милиционеры. Да и копия просто шедевральная! Её делал настоящий профессионал, в этом я не сомневаюсь!

– Юленька, я в искусстве – полный ноль, – ответил Осипов, зевая, – но могу предположить, что подменил картину кто-то из «своих».

– Из своих? – переспросила она.

– Ну, сама подумай, как посетитель пронесет копию в галерею, снимет подлинник и повесит подделку? Это нереально.

– А какое уголовное наказание за это? – после недолгого раздумья спросила журналистка.

– За хищение предметов, представляющих особую художественную или культурную ценность, независимо от способа хищения – лишение свободы сроком от шести до десяти лет с конфискацией имущества, – без запинки отрапортовал Андрей, – статья сто шестьдесят четыре уголовного кодекса Российской Федерации.

– Если на такое преступление пошел кто-то из «своих», как ты считаешь, то ему мало не покажется, – покачала головой Юля.

– Не покажется, – согласился он.

– Зачем же так рисковать? – не унималась она.

– Деньги, очень большие деньги, – он усмехнулся, почесывая подбородок, – в девяностые годы ушлые «новые русские» ещё и не такие махинации проворачивали.

– Расскажи, про какие ты знаешь кражи картин или других культурных ценностей? – попросила она.

– Так на вскидку, – Осипов задумался, – например, в девяносто четвертом из национальной Российской библиотеки пропало девяносто уникальных рукописей. И это не только историческая ценность, их стоимость, между прочим, больше ста миллионов долларов! В этом же году из Эрмитажа была похищена древнеегипетская чаша, которую оценили в пятьсот тысяч американских рублей, – он поднял вверх указательный палец, – а украл её сотрудник музея, кажется, электрик.

– Такая чудовищная экспроприация у государства художественного и исторического национального достояния, – грустно прокомментировала Симонова, – и всё так тихо, мирно...

– Кражи были не только мирные, – Андрей покачал головой, – в девяносто девятом был совершен вооруженный налет на Русский музей в нашей северной столице, в результате чего были похищены картины Василия Перова. А в Академии художеств украли сразу шестнадцать картин известных русских художников. И тоже в девяносто девятом, – добавил он.

– Какая у тебя хорошая память, – с искренним удивлением заметила Юля.

– У нас сегодня в Управлении такая шумиха была по поводу этой картины, что все эти данные не сложно было запомнить, когда тебе их несколько раз сообщали на разных уровнях!

– Так этим делом будет заниматься твой отдел? – обрадовалась журналистка.

– Нет, не мой, – Андрей усмехнулся, – вот если бы там кого-нибудь шлепнули, тогда бы наша группа «подтянулась». Тем не менее мы – одна контора, а кража из областной картинной галереи – дело государственной важности. Хотя, – он махнул рукой, – по-моему, поздно они спохватились.

– Думаешь, это сделали давно?

– Скорее всего, после очередной экспертизы. На планерке сказали, что её проводили весной девяносто пятого года. Но, – он, по своей привычке, опять поднял вверх указательный палец, – это подтверждает мою изначальную гипотезу о том, что подмену произвели работники галереи. Только они знали о прошедшей экспертной оценке.

– Андрюш, а почему ты считаешь, что эту пастораль подменили именно после экспертизы?

– Такие полотна стоят очень дорого, – Осипов сделал паузу и почесал затылок, – поэтому «клиент», закававший картину, должен был быть уверен, что ему не подсунут копию. Предполагаю, что «местные деятели» заменили шедевр а заодно, вероятно, сделали копию документа экспертной оценки.

– Так, понятно, – Юля опять задумалась, – а почему её не могли украсть год назад, два года назад? А, может, её неделю назад подменили!

– Это маловероятно.

– Почему?

– В девяносто седьмом году областную картинную галерею оборудовали системой видеонаблюдения, – он махнул рукой, – и уже проверили: за это время никаких сбоев там не было.

– Как это «сбоев»?

– Ну сама посуди если намечено ограбление, могут отключить электроэнергию или испортить аппаратуру. Не пойдет же вор снимать картину под видеокамерами? А здесь не просто украли, здесь подменили. Это лучше сделать во время транспортировки, понимаешь?

– Если в зале несколько лет висит фальшивка, – Юля на минуту задумалась, – то настоящая «Пастушка» могла давно покинуть пределы нашего города, правильно?

– Возможно, даже пределы страны, – грустно заключил Андрей, – «за бугром» известные произведения художников девятнадцатого века проще сбыть, да еще и за валюту.

Антон Эдуардович Тельманов, всегда улыбчивый и галантный, войдя в свой кабинет, дал волю чувствам. Он с силой забросил папку с документами, лежавшую на краю стола, в угол. Листы с шуршанием высыпались на пол, создав в помещении хаос. Он встал у окна, нервно пощипывая свою бородку. Ну надо же такому случиться! И откуда взялась эта всезнайка из Москвы? Теперь точно газетной шумихи не избежать. Да что там пресса! Сам губернатор вызвал на ковер! А он так рассчитывал в ближайшее время получить должность директора Департамента культуры. Эти две буквы «и.о.», стоящие перед названием его должности, ужасно раздражали.

– Нужно немедленно найти эту исчезнувшую «Юную пастушку» во что бы то ни стало! – свирепо прошипел он, потом с силой нажал кнопку внутренней связи и гневно крикнул:

– Пучкову срочно ко мне!

Елена Васильевна, а в народе «Леночка», через минуту влетела в кабинет, будто преданно ждала под дверью.

– Я думаю, ты понимаешь, что нужно найти подлинник? – он посмотрел на помощницу, сдвинув брови.

Она подобострастно кивнула, а начальник продолжил:

– Тогда мы сможем заменить копию, – он возбужденно постучал пальцами по столу, – перед отправкой в Москву.

– А разве экспертизу будут делать не у нас?

– После такого скандала картину отправят в Третьяковку! Мы, – он вдруг сорвал со своей шеи «бабочку», – потеряли доверие! Ты меня поняла?

– Поняла, – растерянно пролепетала Пучкова.

– Что поняла? – спросил Тельманов, не глядя на неё.

– Найти эту «Пастушку», чтобы экспертиза показала, что полотно написал сам Огюст Лепаж!

– Эх, если бы она нашлась, – исполняющий обязанности директора Департамента культуры мечтательно улыбнулся.

– Представляю, как тогда опозорится наша distinguished Светлана Юрьевна и сядет в лужу, – усмехнулась Пучкова, изо всех сил желая угодить начальнику.

– А пока мы в луже, – раздраженно подметил чиновник, доставая из верхнего ящика своего письменного стола курительную трубку, – и, чтобы нам вылезти из нее чистенькими, давай, Елена, срочно дуй в отдел кадров картинной галереи, перепиши всех сотрудников за последние десять лет! И чтоб сегодня список был у меня на столе!

– Антон Эдуардович, а если не найдем картину? Может, ее уже и в городе нет, а? – Пучкова уставилась на начальника.

– Поэтому и надо быстро проверить! А времени у нас, – он автоматически глянул на настенные часы, – очень мало!

– Мчуть! – раболепно ответила Леночка и почти бегом направилась к двери.

– В списке должны быть адреса проживания всех сотрудников и паспортные данные! – крикнул он ей вслед.

Помощница оглянулась и махнула головой.

Когда Антон Эдуардович опять остался один, он медленно раскурил трубку, потом достал из кармана сотовый телефон и задумчиво посмотрел на экран. Тельманов подумал:

«А может стоит позвонить одному старому знакомому и рассказать о том, что случилось сегодня в областной картинной галерее?»

Что сложившаяся ситуация будет тому интересна, Тельманов ни на секунду не сомневался. Или все-таки не спешить и подождать Пучкову с информацией о сотрудниках?

Антон Эдуардович усмехнулся своим мыслям, сделал глубокую затяжку и сунул мобильник в карман.

На следующий день с самого утра небо было затянуто серо-фиолетовыми тучами. Дождь, не переставая, монотонно стучал по асфальту и крышам домов. Прохожие, сутулясь, прятались под зонтами. Они небрежно шлепали по лужам, суетливо обгоняя друг друга. Пасмурная погода будто отражалась на лицах людей: они были унылые и недовольные. Когда Симонова поднялась по ступенькам на студию, то обнаружила, что даже в курилке никого нет. Юля вошла в редакторскую и, поставив раскрытый зонт в угол, направилась к своему рабочему столу.

– Юль, тебе только что звонили из профсоюза, – Лева Рыбин поправил очки на переносице и положил ей на стол сложенный вдвое лист, – вот, я записал для тебя информацию.

– Лева, спасибо! – Симонова благодарно кивнула коллеге и раскрыла листок. – Опять совещание в профкоме, – безрадостно пробурчала она.

– Ты давай не ворчи! – засмеялся Рыбин. – Коллектив поручил тебе такую ответственную работу!

– Кстати, подруга, – раздался голос с соседнего стола, – я собираюсь в наш ведомственный санаторий на Новый год. Выбьешь мне путевочку?

– Пиши заявление, – Юля с улыбкой посмотрела на Настю, – уже пора: остается чуть больше двух месяцев!

– Я-то напишу, – усмехнулась коллега, – а вдруг не дадут?

– Дадут, – уверенно кивнула профорг.

– Слушай, а может вместе рванем?

– Нет, на море надо ехать, чтобы купаться, а не в бассейне барахтаться, – Симонова махнула рукой и задумчиво добавила, – я лучше летом поеду, поплаваю и косточки погрею.

– Ясненько.

– Когда напишешь заявление, положи мне на стол!

На летучке главный редактор самодовольно сообщила, что сюжет Симоновой о подмене картины в областной галерее прошел с успехом и наделал много шума.

– А все потому, – закончила пафосную речь Карина, – что наш канал – самый независимый и демократичный!

– Тоже мне, независимый, – ехидно шепнул Николаев в самое ухо Юле, – попробовала бы она критиковать руководство «Нефтегазмета», который финансирует нашу контору!

– Точно, – подмигнула она в ответ.

– А мне этот материал не понравился, – раздался недовольный голос Ангелины Владимировны.

– Чем? – мельком глянув на «пенсионерку», сквозь зубы процедила главный редактор.

– А почему Симонова в сюжете высказывает свою точку зрения? Она что у нас – искусствовед? На выставке присутствовали более чем авторитетные люди, – пожилая корреспондентка передернула плечами, – она должна была собрать выводы членов художественного совета, а не строить свои дилетантские предположения.

– Разве автор не имеет право высказывать свое собственное мнение о происходящем? – спокойно парировала Юля. – Именно потому, что он – журналист, а не подставка для микрофона.

– Знаешь, что обозначает твоя фамилия? – ни с того, ни с сего Ангелина перешла в яростное наступление и сама тут же ответила на свой вопрос. – «Слушающий». Так вот, помни всегда об этом и слушай умные советы профессионалов! И пореже открывай свой рот! Авось, за умную сойдешь!

Юля не ожидала такого злобного напора со стороны пожилой коллеги. От обиды в ее глазах блеснули слезы.

– Ладно, летучка закончилась. Народ, давайте работать! – Карина Давидовна равнодушно махнула рукой и лениво пошла к себе в кабинет, не встав ни на одну из спорящих сторон.

– Ну, при чем здесь значение фамилии? – пожаловалась Юля, когда вышла в курилку вместе с Николаевым. – Тем более, что она у меня по мужу. Моя девичья фамилия – Краснова!

– Не обращай внимания на Ангелину, – без энтузиазма проговорил Виктор, – у бабы явно гормональный всплеск.

– А я-то тут при чем? – тихо всхлипнула она.

Настроение было испорчено на целый день.

После монтажа своей авторской программы, Симонова отправилась на заседание профкома в Управление связи, к которому относилась телестудия.

2. Городской пейзаж с зелёными лягушками

К своим отнюдь не положительным качествам Юля относилась неусидчивость. Поэтому собрания вызывали у нее если не отвращение, то состояние унылой безысходности. Столько времени тратить на болтовню и бесполезное сотрясение воздуха в стремительном двадцать первом веке – это преступление, считала она. Но не прийти на заседание она не могла: слишком много накопилось вопросов перед грядущими новогодними праздниками. Рыбин прав, коллектив оказал ей доверие, и она должна честно выполнять обязанности профорга телестудии.

Возглавлял профсоюзный комитет Управления связи предприятия «Нефтегазмет» Александр Владимирович Величко. Фамилия ему досталась, по-видимому, от высоких предков. Однако, внешность праотцов ему не передалась. Был Александр Владимирович шуплым сорокалетним мужичком, правда с добродушной улыбкой и неизменным желанием «войти в положение». Это он сам так про себя говорил. На любую просьбу сотрудников он, почесывая затылок, вдохновенно произносил:

– Я с удовольствием войду в ваше положение, но...

Далее следовала самая уважительная причина, которую только можно придумать. Зная эту привычку шефа, Юля сразу положила перед ним два заявления от сотрудников телевидения на путевки в санаторий и показала жестом – очень важно! Он улыбнулся и, безнадежно махнув рукой, поставил свою визу и убрал бумаги в папку. Потом громко откашлялся и начал речь, обращаясь сразу ко всем:

– Господа хорошие, остается два с половиной месяца до новогодних праздников, а у нас столько мероприятий! Поэтому, давайте распределим обязанности между членами профкома и – за дело. Времени для разговоров у нас уже нет!

«Начал активно», – с иронией подумала Юля.

– Наш комитет насчитывает всего шесть человек, – продолжил Величко, – давайте выбирать, кому какое мероприятие по плечу!

– Давайте! – усмехнулась Ксения Романовна Фролова из технического отдела, сидящая рядом с Юлей.

– Итак, пункт первый, – Александр Владимирович посмотрел в свою шпаргалку, – концерт художественной самодеятельности. Кто у нас его курирует?

– Ну, я. Кто же ещё? – пожал плечами объемная дама из бухгалтерии. – Как обычно.

– Замечательно! – председатель поставил галочку в своем списке. – Далее, закупка и фасовка новогодних подарков для детей сотрудников, – он медленно оглядел собравшихся.

– Я, – поднял руку долговязый мастер электромеханического цеха, – уже со складом договорились.

– Отлично! – Величко заулыбался и снова уткнулся в свой листок. – Выставка работ изобразительного искусства коллектива предприятия «Нефтегазмет», – продолжил он, переводя взгляд с одного члена комитета на другого.

Никто не выразил желание заняться всеобщим вовлечением работников нефтегазового комплекса в процесс рисования.

– Так выставкой в прошлом году занималась Козлова, – подала голос помощница председателя профкома.

– Она в декретном отпуске, – развел руки Величко и после недолгой паузы обратился к журналистке, – Юлия Сергеевна, вы у нас первый год в профкомитете. Может, попробуете себя в организации экспозиции?

– Я? – Симонова даже привстала. – Дело в том, что я этим никогда не занималась. В смысле организацией. Нарисовать я, конечно, могу, но нужно найти самодеятельных художников во всех подразделениях нашего управления. А как это сделать?

– Так вы рисуете? – искренне удивился председатель.

– Немного, – она смущенно улыбнулась, – училась когда-то в художественной школе.

– Да вас, моя милая, нам сам бог послал! – обрадовался тот и уверенно поставил «галочку» рядом с фамилией журналистки в списке ответственных за предновогодние мероприятия.

После собрания Ксения Романовна по-дружески обняла Юлю за плечи и ободряюще шепнула:

– Не дрейфь, я тебе передам все наработки Валентины Козловой, которая занималась выставкой в прошлом году. Там списки наших художников-самородков и жюри. Напишешь объявления и развесишь во всех подразделениях! Ничего страшного!

– Спасибо! – благодарно кивнула журналистка, накидывая куртку.

– И сама обязательно принеси свои работы, – улыбнулась коллега, – уверена, они у тебя – классные!

– Да, я давно не рисовала.

– Кажется, художники не говорят «рисовала». Они пишут! – засмеялась добродушная Ксения.

– Художники пишут, а я – рисую, – хмыкнула Юля, – кстати, у меня даже холста нет, – разочарованно добавила она.

– Холста? – собеседница покачала головой. – С этим я тебе, пожалуй, тоже помогу! Мы год назад купили квартиру, а на антресолях я нашла несколько подрамников с холстами. Остались от бывших хозяев. Не выбросила, подумала: вдруг пригодятся!

– Это было бы очень кстати, – обрадовалась Симонова.

– Заходи как-нибудь после работы, – она подала свою визитку, – передам из рук в руки. Твори на здоровье!

По дороге домой деятельная Юлия стала обдумывать: кто, кроме нее, из студийного коллектива может принять участие в выставке. Главный режиссер Никита Важнов как-то принес свои рисунки гуашью. Парня обязательно надо привлечь, решила она, вспомнив его отличные работы. Стоп! От мысли о Викторе она даже вздрогнула. А не она ли восхищалась его живописью в июне, когда приходила к нему домой. Она тут же вспомнила, что у него на торцовой стене висели два морских пейзажа и одна пастораль. Там, кажется, был изображен мальчик-пастушок. И Виктор, со свойственной ему иронией, сказал, что он всего лишь копиист. Юлю обдало жаром, когда она задала сама себе волнующий вопрос:

– Мог ли ее друг и коллега написать копию картины Огюста Лепаж «Юная пастушка»?

И мысленно ответила:

– Мог.

Опять полил октябрьский дождь, а холодный ветер подхватил ее и понес, обдувая бока, развивая волосы и усугубляя и без того скверное настроение. Дома она выпила горячий чай с парочкой бутербродов и, накрывшись теплым пледом, устроилась на диване.

Юля проснулась от еле слышного поскрипывания полов. Она открыла глаза и в сумраке комнаты увидела склоненного над собой мужчину.

– Я тебя разбудил? – спросил Андрей шепотом.

– Да, – она сонно потянулась и тихо проговорила, – не дождалась тебя и задремала. А который час?

– Около десяти, – Осипов присел на край разложенного дивана.

– Ты, наверное, голодный, – она уже совсем проснулась и привстала на локтях, – пойдем на кухню, я тебя покормлю.

– Марту разбудим, – произнес он виновато.

– Она у мамы, – Юлия откинула шерстяной плед и встала с постели.

– А почему мы тогда шепчемся? – хмыкнул он и, протянув руку, включил ночник. Комната залилась уютным оранжевым светом.

Пока Андрей ел наскоро разогретый ужин, его любимая женщина сидела рядом в трикотажной пижаме и наблюдала за ним.

– Ты похудел, – промолвила она, поправив прядь его непослушных волос, спадавшую на лоб.

– Дело сложное, – по своей холостяцкой привычке он положил грязную тарелку в раковину и включил воду.

– Оставь, я потом помою, – махнула она рукой, – лучше расскажи, что случилось.

Андрей вернулся за стол и придвинул к себе бокал с чаем. Он сделал большой глоток и задумчиво посмотрел в окно.

– Мы сегодня уже собирались по домам, когда поступил вызов. Убита молодая женщина Камилла Гафурова, – майор уголовного розыска Осипов отхлебнул ещё глоток и, вздохнув, печально добавил, – осталась пятилетняя дочка.

– Что же будет с ребенком? Отец есть? – участливо спросила Юля.

– Муж Гафуровой ушел от них полгода назад. Так что девочка теперь сирота. И никаких родственников, представляешь?

– А где ее убили?

– В своей собственной квартире. Правда, там такая квартира, – он грустно усмехнулся и посмотрел на Юлию, – скорее, небольшая комната в коммуналке. Вечно пьяные соседи по общей кухне, грязь, вонь, беспорядок. Как можно жить в таких условиях, да ещё с ребенком? – добавил Осипов и покачал головой.

– А эта Камилла где-нибудь работала?

– В парикмахерской, недалеко от своего дома. Сотрудницы сказали, что она была человек добрый. Клиенты ее любили, хвалили за качественную работу.

– И что, никаких подозреваемых?

– Никто ничего не слышал. У нее был сегодня выходной, дочка в садике, немолодые соседи (муж и жена, нигде не работающие) по мусорникам шарили в округе. Вернулись, стали пить. Обнаружила тело воспитательница, которая привела девочку из детского садика домой.

– Ужасная история, – вздохнула Юля и тут же поинтересовалась, – какие-нибудь зацепки есть?

– Нет. Убийца завернул в тряпку что-то тяжелое и стукнул жертву по голове. Вполне возможно, что это мог быть обыкновенный кирпич. Учитывая, что рядом нет стройки, предполагаю, что преступник заранее где-то подобрал будущее орудие убийства, значит, сделал это не спонтанно, а преднамеренно. Никаких следов, – Осипов развел руки, – все продумал, гад.

– А из комнаты что-нибудь пропало?

– Соседи говорят, что всё на месте. Хотя, – он качнул головой, – им разве можно верить? Но, на первый взгляд, следов грабежа нет. На шее убитой осталась золотая цепочка, а на пальце – колечко.

– Вот как? – удивилась журналистка.

– Да, – мужчина откинулся на спинку стула, – обыкновенный воришка золотые вещицы взял бы.

– Андрюша, – Юля посмотрела на собеседника, – а где находится парикмахерская, в которой работала эта Гафурова?

– Ты что, собралась туда идти? – удивился он.

– Давай, я тебе помогу! У меня завтра вечерний эфир и никаких съемок, полдня буду дома!

– Но учти, это у черта на куличках! Дзержинский район, там сплошной бомжатник! Парикмахерская называется «Кокетка» на улице Октябрьская.

– Хорошо, – улыбнулась она.

В этом районе города журналистка Юлия Симонова никогда не была. Расположенный на окраине, он представлял собой застройку из старых кирпичных двухэтажек с потрескавшейся штукатуркой. На многих балконах беспокойно развевалось застиранное постельное белье, скрепленное почерневшими деревянными прищепками, торчали старые детские санки, ненужные ящики и коробки, а на одном – даже сломанный велосипед с кривыми ржавыми спицами. Между домами, в зеленых застоявшихся лужах, бойко прыгали мелкие бледно-зеленые лягушки, а из приоткрытых форточек раздавалась ненормативная лексика. Юлия быстро отыскала парикмахерскую, разместившуюся на первом этаже жилого дома.

– Здравствуйте! – громко сказала она сонной тетке, уныло смотревшей в окно.

Та молча кивнула, смерив взглядом необычную клиентку в красивом пальто с модной сумочкой.

– У вас по записи или...

– Или, – перебила вялая администратор, – чего будем делать?

– Укладку, – спокойно ответила Юля.

– Садитесь вон в то кресло, – она показала пальцем на место у окна, – мастер сейчас придет.

Через пару минут открылась дверь служебного входа, и вошли две женщины в синих халатах, на ходу что-то обсуждая. Одна была немолодая, полноватая коротышка с металлическими бигудинками на голове. Ее собеседнице было лет двадцать. Она была худенькая, с выступающей нижней челюстью и негустыми соломенными волосами, забранными в хвост толстой резинкой. Лишь только дамы появились в помещении, тут же запахло табаком.

«С перекура вернулись», – догадалась Юля.

– Леся, к тебе на укладку сели, – обратилась администраторша к молоденькой.

Та сразу подошла к своему креслу и, подняв у клиентки волосы с затылка, предложила:

– Пойдемте мыть голову, – и кивнула в сторону потрескавшейся раковины с коричнево-рыжими разводами от ржавчины.

Юля безропотно двинулась за мастером, успокаивая себя тем, что укладка – не стрижка, и студийный мастер Рэночка перед эфиром все исправит.

Пока мастер не включила фен, посетительница спросила:

– А у вас тут работает Камилла? Мне одна знакомая советовала у нее обслуживаться.
– Уже не работает, – произнесла коротышка с соседнего кресла, со скучающим видом рассматривая свои ногти.

– Уволилась? – Юля не собиралась отступать.

– Нет, – Леся сняла вафельное полотенце с головы клиентки и посмотрела на нее через зеркало, – ее убили. Она с Надей дружила, – добавила девушка, махнув рукой в сторону коллеги.

– Убили? – с удивлением переспросила Юля, переводя взгляд с одного парикмахера на другого.

– Девка хорошая была, но уж больно доверчивая, – проговорила Надя, снимая с головы бигуди, – только у нас тут её Милой называли. Камилла – слишком замысловато, – усмехнулась она.

– Говорят, у нее дочка маленькая? – журналистка решила расположить к себе парикмахеров. – Что же будет с ней?

– Яська пока у меня живет, – вздохнула коротышка, – я как узнала вчера, что Милку убили, побежала туда и взяла её дочку к себе. А сегодня утром позвонила в отдел опеки и спросила, как удочерить девчонку, но баба по телефону сказала, что государство и без меня позаботиться о ребёнке. А у меня площадь не позволяет, и мужа нет. Как будто, я в этом виновата! Мне тоже хочется жить по-человечески! – она опять вздохнула.

– Вот как? – покачала головой журналистка.

– Да, вот так! Короче, заберут Яську в детдом, – она устало махнула рукой, – зато по закону.

– Яська – это Ярослава? – успела спросить Юля перед тем, как у ее уха зашумел фен. Она увидела, что добросердечная Надя кивнула. Леся, подхватывая пряди волос, наматывала их на металлическую круглую расческу и сильно тянула вниз, одновременно направляя сопло фена на голову.

– Ой, – Юля потерла пальцами рядом с ухом, – горячо!

– Жжет? – удивилась мастер.

Журналистка поморщилась от этого «жжет». Эта девушка с Марса? Так издеваться над родным языком!

– Жжет, – строго сказала Симонова, но девица и ухом не повела, решив, что это в порядке вещей. Когда, наконец, фен утих, Леся потянулась к большому баллону с надписью «Прелесть».

– Нет, – испугалась Юля, – мне лаком не надо!

– Так без него укладка держаться не будет, – важно возразила парикмахер, взбалтывая ёмкость.

– И не надо, – пожала плечами клиентка.

– Дама не хочет, не делай, – махнула рукой Надежда.

– А у девочки нет отца? – вернулась к разговору Юля. – Жалко ребенка: проведет все детство на казенных харчах.

– Говорю же: законы у нас такие, – женщина повернулась к посетительнице на крутящемся кресле, – с мужем она разошлась. Он бросил Милку полгода назад, и родителей она лишилась. Поэтому и оказалась в этом гадюшнике. Райончик у нас криминальный.

– А, может, все-таки попробовать найти отца девочки? – Юля тоже повернулась к Надежде и посмотрела на нее в упор. – Я работаю на телевидении. Дайте мне его данные, я попробую отыскать.

– Думаю, его милиция раньше отыщет, – усмехнулась парикмахер.

– Ну что вам жалко?

– Да нет, – пожала Надя плечами, – Гафуров Илья Тимурович, – она закатила глаза, вспоминая, – с Милкой они были одногодки, значит, семьдесят восьмого года рождения.

– А вы не знаете, где она раньше жила?

– Где-то в центре. Рассказывала, что квартира у них была большая, но, – разговорчивая парикмахер усмехнулась, – Илье вдруг понадобились деньги. Говорили, он в какой-то переплет попал, вот и уговорил Милку продать квартиру родителей и купить комнатенку. Все обещал, что «развернется», разбогатеет, дом построит! На уши ей лапшу навешал! А эта дурочка всему верила! Вот и попала в коммуналку на окраину.

– Сколько с меня за укладку? – Юля достала кошелек и посмотрела вопросительно на Лесю.

– Триста пятьдесят, – ответила небрежно та, метнув хитрый взгляд на свою сотрудницу.

«Многовато для такой услуги в низкосортной парикмахерской», – подумала журналистка, протянув купюры мастеру.

– А как вы думаете, кто мог убить Милу? – она вновь обратилась с вопросом к коротышке.

– Да кто же это знает? – пожала та плечами. – Даже менты ничего не нашли.

– А может, ее бывший муж? Вдруг ему опять понадобились деньги.

– Илюшка? – женщина сунула в рот палец и стала сосредоточенно грызть ноготь. – Не знаю, – протяжно проговорила она, – но денег и драгоценностей у Милки не было, а эта зачуханная комнатка в коммуналке стоит копейки. Какой резон ему убивать? – в раздумье повторила она и добавила: – Но народ говорит, что его могут посадить... У нас как бывает: настоящего убийцу не найдут, найдут «крайнего»!

– Надежда, а вы не в курсе: он на неё руку поднимал, когда они жили вместе? – на всякий случай спросила Юля.

– В смысле бил? – усмехнулась коротышка.

– Да.

– Нет, никогда! – она замотала головой. – Он интеллигентный парень был. Они, кажись, даже не ругались.

– Так почему же развелись?

– Бабу он другую нашел, – задумчиво проговорила та.

Когда Юля вышла из маршрутного такси и направилась к студии, опять пошел дождь. Она раскрыла зонт и ускорила шаг.

– Девушка, вы куда так спешите? – раздался рядом знакомый голос.

Она оглянулась и увидела своего сотрудника – оператора Виктора Николаева.

– На работу, дяденька! – засмеялась она.

– Какой же я тебе дяденька? Ты забыла, что старше меня почти на два года! – заулыбался он.

– Николаев, а тебе объясняли в детстве, что неприлично говорить женщине о ее возрасте?

– «Я начал жизнь в трущобах городских, и добрых слов я не слышал. Когда ласкали вы детей своих, я есть просил, я замерзал», – пропел он известную песню и сделал жалобный вид.

– Вот я сегодня видела настоящие городские трущобы, – уже серьезно произнесла журналистка.

– Где же тебя носили твои изящные ножки? – спросил мужчина, подлезая под Юлин зонт и положив свою руку ей на талию.

– В Дзержинском районе!

– Зачем?

Она вздохнула:

– Там молодую женщину убили.

– Опять двадцать пять! Она тебе кто: сестра, подруга или какая другая родственница?

– Никто, – Симонова вошла в услужливо распахнутую Виктором дверь на телестудию, – она просто несчастная женщина, у которой осталась пятилетняя дочка.

– А я подумал, что ты начнешь расследовать дело с подменой картины, – задумчиво сказал он.

– Это дело я не потяну, – вздохнула Юля.

– Почему? – Виктор театрально развел руки в разные стороны и с иронией добавил: – В мазках Лепажы ты разбираешься...

– К сожалению, у меня нет связей в Интерполе, – в тон ему ответила Симонова, – пусть органы выясняют это без меня!

– С тобой им было бы легче, – опять пошутил Николаев.

– Гораздо! – усмехнулась журналистка и тут же строго добавила: – А вот найти убийцу, сделавшего ребенка сиротой, это важно.

Оператор остановился и вполне серьезно спросил:

– Я опять в деле?

– Этим занимается убойный отдел, а я лишь помогаю Андрею, – она сложила зонт в коридоре, – но если ты со мной, буду рада!

– Ты же знаешь, – он улыбнулся, – я с тобой!

После эфира Николаев галантно выставил локоть, предлагая жестом Юлии опереться на него.

– На ступеньках скользко, – предупредил он.

– Погода сегодня хорошая, – втянув в себя ночной воздух, задумчиво проговорила журналистка, когда они вышли из здания телестудии, – Виктор, чувствуешь? Пахнет грибами.

– Это не грибами, а сыростью пахнет, – засмеялся коллега, – если хочешь прогуляться, пожалуйста!

– Хочу! – сразу согласилась она.

Аккуратно обходя неглубокие лужи на тротуаре, они шли по ночному городу, будто заговорщики. И не хотелось думать ни об Андрее, который скорее всего уже вернулся со службы, ни о жене Виктора, возможно, ожидающей мужа. Только ночь, неоновые вывески, желтый свет уличных фонарей, редкие машины и влюбленная парочка, идущая под руку. Как по мановению волшебной палочки исчезла, испарилась куда-то дневная суета. Таинственный сумрак будто черным сверкающим плащом накрыл город, который безропотно притих, повинуясь фантастическим чарам феи ночи.

– У нас с тобой завтра съемка, выезд в десять.

– Знаю, – журналистка устало улыбнулась, – а как ты думаешь, в картинной галерее, действительно, висит подделка?

– Не знаю.

– Но ты же сам пишешь копии, – напомнила она Николаеву.

– Давай лучше поговорим о деле в Держинских трущобах, – Виктор хмыкнул, – расскажи, что тебе известно про убийство этой женщины, – попросил он, – чтобы я был в курсе с самого начала.

Юля очень удивилась тому, что Виктор не стал комментировать возможную кражу «Юной пастушки». Но вида не показала. Она лишь разочарованно вздохнула и спокойно начала излагать факты, которые ей были известны, добавив в конце:

– Я узнаю у Андрея адрес, где жила Камилла, и пока он ищет её бывшего мужа, мы с тобой туда сходим и пораспрашиваем соседей.

– Да, – согласился он, – ты умеешь найти ключик к любому человеку. Что-нибудь, да нароем.

– Я постараюсь, а уже потом будем делать выводы.

– Кстати, эта дамочка давно проживала в коммуналке? – поинтересовался Николаев. – Думаю, надо и с этими соседями поговорить. Ну не все же там алкаши?

– Скорее всего, оперативники обошли все квартиры, но я согласна с тобой – народ у нас «уголовку» не любит, особенно в таком районе. Надо будет в выходные пройтись по подъезду.

– Юль, – мужчина остановился и нежно взял подругу за плечи, – какая ты сейчас красивая, – он трогательно поправил воротничок ее блузки, выглядывающий из куртки, и заметил, как профессионал, – свет от фонаря мягко падает слева. Получается такой таинственный образ.

Она не улыбнулась и не отшутилась, как это бывало раньше. Молодая женщина молча двинулась дальше.

– Обиделась? – смущенно спросил он.

– Нет, – Юля опустила голову, – устала сопротивляться. Знаю, что поступаю неправильно, а сделать ничего с собой не могу. Перед Андреем стыдно. Хочу, чтобы было как раньше, – она махнула рукой, – а не получается. Моя беда в том, что я не могу притворяться.

– Я тоже сначала пытался сохранить семью, – Николаев опять остановился, достал из кармана трубку и табак, – но понял, что всё бесполезно. Переживаю только за дочку.

Их взгляды вновь встретились, и Виктор порывисто обнял Юлю.

– Не могу без тебя, понимаешь? Жить, дышать, работать, ничего не могу! Раньше на теле-студию шел, чтобы заниматься любимым делом, а теперь – только, чтобы тебя увидеть!

– Я тоже, – прошептала она и почувствовала прикосновение его губ на своем лице. Мужчина крепко прижал ее к себе, и она мгновенно ощутила, как от него приятно пахнет табаком, который смешался с запахом волос. Ее руки безвольно упали вдоль тела. От невероятной слабости и непреодолимого волнения она лишь вздохнула и подумала, что уже не в силах противостоять охватившему её чувству.

3. Сюжетная картина с хохломой

Спустя час, Юля посмотрела на экран мобильного. Была уже полночь, когда она вошла в подъезд. Она открыла дверь своей квартиры ключом, чтобы не разбудить Андрея. «Хорошо, если он спит», – подумала она о своем гражданском муже. Ей совсем не хотелось объясняться с мужчиной сейчас, потому что чувствовала себя преступницей. Не включая свет, Юля сняла пальто в коридоре и прошла в комнату. В квартире было удивительно тихо. Дочь Марта осталась опять у ее матери: и школа ближе, и бабушка уделяет больше времени своему любимому десятилетнему чаду. Как любит говорить мама:

«Мы с Мартой учимся в одной школе. Только она – ученица, а я – директор».

От лунной дорожки, пролегающей от окна, в комнате было светло. Приглядевшись, Юля увидела, что диван собран. Она щелкнула выключателем. Андрей лежал в одежде и молча смотрел перед собой. Он не проронил ни слова, но его поза красноречиво говорила об обиде. А у неё не было настроения оправдываться. Юлия молча выключила свет и пошла в комнату дочери. Она долго не могла уснуть, мысли мешали, будто рой надоедливых насекомых. Сначала она себя отругала за то, что поддалась безумному порыву и целовалась с женатым мужчиной, зная, что её ждет дома Осипов. Потом она оправдала свои действия тем, что это не распутство двух взрослых и несвободных людей, а настоящее чувство. Через пару минут она мысленно взбунтовалась против молчаливого осуждения Андрея, считая, что он сам виноват, потому что уделяет ей мало внимания. Уже под утро ей безумно стало себя жалко, и она даже всплакнула в подушку о своей несчастной женской доле. Только в пятом часу она уснула, продолжая шмыгать носом, как маленький ребенок.

Когда сонная Юля, лениво потягиваясь, пришла утром на кухню, то увидела короткую записку на столе: «Ушёл на работу». И подпись. Юлия села на стул. Было что-то необъяснимое в этих последних событиях: невольное признание Виктора в любви, их страстные поцелуи на улице ночного города и безмолвная обида Андрея.

Все так логично и в то же время неожиданно. Так же, как почти два года назад, когда Юля устроилась работать на студию «Телеком» и познакомилась с майором Осиповым, который искал убийцу главного режиссера. Казалось, вот он, Андрей, такой надежный и настоящий. Шло время, но даже намеки его лучшего друга и коллеги Вениамина Колесникова о том, что пора бы распрощаться со статусом холостяка, не возымели никакого действия. По взаимному решению Андрей переехал жить к Юле. И никаких планов на будущее, никаких перспектив настоящей семьи и рождения общего ребенка. А этим летом в ней что-то надломилось. Возможно, просто устала ждать предложения. Или, может быть, поняла, что друг и коллега Виктор Николаев, все это время ухаживающий за ней, вдруг стал ближе и понятнее. Совместное расследование убийства дяди Вани Чугунова и раскрытие тайны Георгиевской сабли, принадлежавшей её прадеду, неожиданно сплотило и сблизило их. Она вспомнила, как Виктор разыскивал её, когда она попала в беду. И незачем лукавить, что именно тогда, когда он спас её, найдя обессиленную в сыром подвале чужого дома, она почувствовала к нему не только благодарность. Вспыхнуло взаимное чувство. Тогда, четыре месяца назад, она попросила его: «Не торопи меня», и Николаев все это время вел себя благородно, не провоцируя и не упрекая. У них было время понять, что на самом деле происходит с ними. И сейчас Юлия созрела, чтобы разорвать этот любовный треугольник.

Майор Колесников стремительно зашёл в кабинет и положил на стол перед Андреем папку с документами.

– Здесь опросы соседей по убийству на Октябрьской. Виталий сейчас всё рассортировал. Андрюшка Борисыч, какие у тебя соображения по этому делу? – он уселся напротив коллеги.

– Думаю, что «работал» один человек, – Осипов почесал затылок, – никакого шума и следов. Убийца хорошо рассчитал время: и соседей нет, и жертва дома одна. По словам тех же соседей и бывшего мужа в комнате ничего не пропало. Хотя, – он усмехнулся, – я не опирался бы в своих выводах на эти показания.

– Согласен, – Колесников откинулся на спинку стула, – все они – люди заинтересованные!

– По тому, что не присутствуют явные мотивы для убийства, делаю вывод, что история давняя, и совершено преступление кем-то из ближайшего окружения, – задумчиво произнес Осипов.

– Например? – усмехнулся Вениамин.

– Это может быть неудачливая соперница, отвергнутый поклонник, бывший муж или его «дружки», которым он задолжал большую сумму, – уныло перечислил Андрей.

– А между тем Гафуров Илья Тимурович не состоит в официальном разводе с убитой Камиллой Гафуровой!

– Да ты что?

– Да, она подавала на развод, но он не пришёл на заседание суда! – Колесников провел своей широкой ладонью по лицу. – И это мне кажется странным! – и он начал рассуждать о нелогичности поступков Гафурова.

Андрей смотрел на своего коллегу и товарища, раскладывающего все известные факты по полочкам. Он вдруг подумал, что с другом ему повезло, а вот с женщинами никак не получается. Осипов вздохнул, вспомнив Юлю.

– Да ты меня не слушаешь, Борисыч! – щелкнув пальцами перед лицом Андрея, воскликнул Вениамин. – Что стряслось у тебя?

– Всё отлично, – махнул тот рукой, – извини, просто отвлекся.

– Неужели с Юлей поругался? – предположил Колесников.

– Слушай, Шерлок, – усмехнулся Осипов, вспомнив студенческую кличку друга, – это к делу не относится!

– К делу, – Вениамин хлопнул ладонью по папке с документами, – может, и не относится, а мне лично важно, что у моего друга на душе!

– Ты понимаешь, – виновато проговорил Андрей, – я вернулся с работы вчера, а Юли нет и нет. Пришла в двенадцать ночи и, ничего не объясняя, ушла спать в дочкину комнату...

– А ты, значит, обиделся, что женщина тебя с работы с хлебом-солью не встречает, да возвращается поздно? – Колесников встал и отошёл к окну. – А ты забыл, что она – журналист? Что у неё еще есть дочь, что отец лежит с инсультом и куча проблем, в которые она тебя не посвящает?

– Она могла бы просто объяснить, – начал оправдываться Осипов.

– Кому объяснять? Тебе? – Вениамин отвернулся от окна и посмотрел с иронией на своего друга. – А ты что сделал для своей любимой женщины? Пришёл с работы и уселся перед телевизором?

– Нет, я просто лежал на диване и ждал!

– А мог бы приготовить ужин, разложить постель, наконец! Да что там, – он махнул рукой и сел опять на свой стул.

– Твоя Даша... – сказал Андрей и замолчал, столкнувшись с осуждающим взглядом товарища.

– Я с Дашей встречался два месяца и сделал ей предложение, а ты с Юлей живешь почти два года и тянешь кота за хвост! Или ты думаешь, что такой красивый, умный и богатый, и пусть она радуется, что ты вообще с ней рядом?

– Венька, – простодушно проговорил Осипов, – ты же знаешь, что это не так! Ты знаешь, что я Юльку люблю, но мой первый неудачный брак...

– Не могу ничего тебе ответить, кроме того, что глупо мусолить годами одно маленькое сексуальное происшествие, которое, извини, сложно назвать браком, – он покачал головой и решительно продолжил тему убийства, – Мне этот Гафуров очень несимпатичен! Он женился на девушке из интеллигентной семьи сразу после смерти её отца, и пришёл жить, как говорится, на всё готовенькое. Шикарная трехкомнатная квартира в самом центре, да там потолки почти четыре метра, представляешь? А потом всё нажитое её родителями продал, бросил жену с дочкой в коммуналке, а сам уже с другой!

Андрей встал со своего места, подошел к Колесникову и подал ему руку:

– Спасибо тебе!

Тот улыбнулся и пожал протянутую ладонь:

– Так, что думаешь по поводу Гафурова?

– Меня удивляет то, что он не забрал к себе жить пятилетнюю дочь. У него что сердце не болит, как там его ребенок у чужой тетки? После такого циничного поступка я могу с легкостью подозревать его в чем угодно, – ответил Осипов.

– Вот тут я с тобой согласен! – подмигнул Вениамин.

Симонова решила не откладывать в долгий ящик поход к Ксении Романовне за обещанным ей холстом. Она уже мысленно представляла себе процесс работы над будущей картиной. Руки чесались от предстоящего погружения в почти забытый мир сочных мазков, смешивания масляных красок, запаха растворителя и скипидара. Лишь только она сдала готовый выпуск авторской передачи главному редактору, сразу достала визитку профкомовской коллеги и набрала ее номер. Ксения продиктовала ей адрес, и журналистка помчалась на остановку маршрутного такси. Когда перед Юлей распахнулась дверь с красивым декоративным покрытием «под дуб», она с трудом узнала хозяйку. Ухоженная и немного ироничная Ксения дома оказалась симпатичной женщиной под сорок с прихваченными деревянной заколкой светлыми волосами и нежно-голубом халатике «а-ля французский прованс». Она была настолько хороша в своей натуральности, что Юля невольно залюбовалась приятельницей.

– Ну, что же ты встала как вкопанная? Проходи! – улыбнулась Ксения, приглашая гостью в квартиру.

Юля прошла, с интересом разглядывая интерьер. В квартире было просто и одновременно роскошно. В кухне-столовой стоял камин, над которым висели часы, изготовленные в том же стиле, что и очаг. Пузатый самовар и бронзовые подсвечники придавали помещению какую-то средневековую фундаментальность и обстоятельность. А рядом – расписные глиняные горшки и деревянные ложки типа «Хохлома». На стенах – клетчатые обои, а на полу рядом с камином – настоящая связка березовых брусков.

– Как в краеведческом музее, – восхищенно произнесла журналистка, поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, – будто попала в настоящую русскую избу!

– Ты угадала, – негромко засмеялась хозяйка, – все наше, фамильное, не с блошиного рынка, а доставшееся по наследству от бабушек и дедушек.

– Ух ты, – улыбнулась гостья, – замечательное наследство! А это кто? – она протянула руку в сторону торцовой стены, на которой в разных стильных рамках висели старинные семейные снимки.

– Наши предки, – с достоинством ответила Ксения, – практически всё родословное дерево.

– Обожаю старинные фотографии, – с искренним восторгом промолвила Симонова, – и раньше удивлялась, почему у всех людей на фотокарточках одинаковые позы? Вы обращали

внимание? – она кивнула хозяйке. – Мужчины обычно кладут руки на плечи женщин, а те опираются локотком на столики или держаться за руки.

– Действительно, – покачала головой хозяйка.

– Я недавно об этом прочитала, – продолжила между тем Юля.

– Какая ты наблюдательная, – Ксения внимательно посмотрела на снимки, – и почему же у них такие позы?

– Дело в том, что технология фотографических снимков была другая, не как современная. Чтобы получился качественный снимок, людям приходилось достаточно долго стоять или сидеть неподвижно перед камерой, иначе в условиях длинной выдержки он был бы неудачным, – журналистка вздохнула, – и плюс для многих это было непривычное и волнительное действие. Поэтому им предлагали класть руку на плечо или опираться на этажерку, которые имелись в каждом фотоателье.

– Ну надо же, как интересно. Теперь и я буду это знать, – качнула дама головой и, повернувшись к Юлии, жизнерадостно предложила, – а сейчас пойдем пить настоящий индийский чай из самовара!

Гостья не смогла отказаться от такого предложения, тем более, что ей было удивительно комфортно на этой кухне.

– Правда, самовар электрический, но это же не главное? – улыбаясь, добавила хозяйка.

– Ксения Романовна, – вежливо обратилась она к женщине, но та ее тут же перебила.

– Просто Ксения, – усмехнулась она, разливая душистый чай в фарфоровые чашки, – и давай на «ты», а то я чувствую себя старухой, а мой сын говорит, что у него мама – молодая!

– Хорошо, – кивнула Юля, – а где твой сын?

– Наш Мишенька заканчивает школу, поэтому три раза в неделю к репетиторам ходит. Идет на золотую медаль! – с гордостью сообщила она.

– Какой умница!

– Последний год в школе – решающий, – вздохнула Фролова.

– Ксения, ты мне обещала наработки моей предшественницы по организации выставки, – напомнила Юля.

– Я помню, – хозяйка разрежала пирог, – угощайся, это я сама испекла к твоему приходу.

А папку с записями и холсты я уже положила в коридоре у входа, чтобы не забыть. Ты не торопись?

– Нет, – Симонова достала из сумки коробку конфет и положила на стол, добавив, – это к чаю.

– Спасибо, – Ксения безжалостно разорвала упаковку и открыла коробку, – я – сластёна!

– Я тоже, – улыбнулась Юля.

– Кстати, я тут смотрела новости, и как раз шел твой сюжет о подмене картины. Мы с мужем были в шоке. Как могло такое случиться, что в областной картинной галерее украли такой шедевр? Да ещё подсунули копию! Эта пастораль, наверное, стоит бешеных денег!

– Я даже не представляю, – ответила журналистка, – мне очень жаль, что наши дети не увидят подлинную «Пастушку» Огюста Лепажя. Это полотно было настоящим украшением всей экспозиции.

– Юль, а как ты думаешь, ее смогут найти и вернуть на место?

– Дело завели, но вероятность найти картину невелика. Неизвестно, когда это случилось, а после экспертизы прошло больше восьми лет. За это время она могла оказаться далеко за пределами нашей страны. Сейчас, особенно за границей, несложно найти покупателя даже на украденную вещь, да и мода на старинные картины у богатых всегда была, – она развела руки в разные стороны.

– Это точно! Мы в прошлом году с семьей ездили на Кипр, – Ксения улыбнулась своим воспоминаниям, – и заходили в гости к одному знакомому, бывшему однокласснику моего

мужа. Тот по случаю купил там дом, – она качнула головой, – да какой там дом, целый замок! Всё так пафосно: подсвечники, канделябры, а по стенам развешаны картины в золоченых рамках. Хвастался, что подлинники, представляешь?

– Представляю, – уныло ответила журналистка, – обидно, что многие хозяева мировых шедевров не разбираются в изобразительном искусстве, а полотна нужны им для позерства, не более того.

Когда Юля вернулась домой, то, еще поднимаясь по ступенькам в подъезде, услышала громкую музыку. Открыв дверь ключом, она обнаружила компанию одноклассников своей дочери, завывающих в микрофон перед экраном телевизора.

– Мамочка, а мы поем в караоке! – радостно сообщила Марта, увидев ее.

– Это я поняла еще на первом этаже, – улыбнулась Юлия, – по какому случаю такое веселье?

– У нас преподаватель математики заболела, вот я и пригласила к нам своих подруг, – немного виновато ответила девочка, – мы уйдем сейчас ко мне в комнату, а ты отдыхай!

– Ладно, – махнула Юля рукой, – спойте еще несколько песен, а я приготовлю шарлотку к чаю, – она посмотрела на притихших школьниц, – согласны?

Под единодушное «да» она удалилась на кухню, услышав в след веселые аккорды очередной популярной песни. Когда компания детей напелась, растерзала яблочный пирог и, оставив груды грязной посуды на кухне, разбрелась по домам, вернулся с работы уставший Андрей. Симонова вздохнула и опять принялась возиться у плиты, чтобы приготовить ужин.

– Юленька, – она вдруг почувствовала его горячее дыхание у себя за спиной, – я вчера повел себя, как обиженный подросток. Прости меня!

Она резко обернулась и увидела перед собой букет своих любимых желтых роз и голубые глаза Андрея, с нежностью смотрящие на неё.

– Это ты прости меня, – с трудом произнесла она из-за неожиданного спазма в горле, – я виновата перед тобой.

Она уже была готова рассказать, что увлеклась и гуляла по ночному городу с Виктором, что даже целовалась с ним, но Осипов трогательно обнял её и улыбнулся:

– Запомни: ты ни в чем не виновата!

Он ушел смотреть телевизор, а Юлия всё стояла у плиты и, покусывая губы, ругала себя за тот вечер и за свою несерьезность. Потом, спохватившись, закончила все дела по хозяйству, поужинала с Андреем и Мартой, а когда улеглись в постель, она поинтересовалась:

– Как продвигаются дела по расследованию убийства Гафуровой?

– Появилась очень интересная информация относительно бывшего мужа убитой. Оказывается, они официально не разведены, но, – Осипов по привычке поднял вверх указательный палец, – живет Илья Гафуров со своей сотрудницей, которая уже ждет от него ребенка.

– Действительно интересно, – в раздумье произнесла Юлия, – а что ему мешало оформить расторжение брака с Камиллой, если там уже другая семья? Прошло достаточно много времени.

– И я о том же, – согласился Андрей.

– А кем работает этот Илья? – не без любопытства спросила она.

– Врачом, а его новая дама сердца у него медсестрой.

– Врачом? – искренне удивилась Юлия.

– Да, наш старлей Виталик разузнал, что Камилла и Илья познакомились при поступлении в мединститут. Только девушка не прошла по конкурсу, а он поступил на бюджет. Камилла устроилась работать санитаркой, отпахала целый год в больнице и повторила попытку поступления в медицинский. Но опять не набрала нужное количество баллов. После этого она окончила курсы парикмахеров и вышла замуж за Илью. В двадцать лет она родила дочь и окончательно похоронила мечту стать врачом.

– Грустная история, – проговорила Юлия, – получается, что пока этот Илья учился, его молодая жена зарабатывала деньги и содержала семью, а он получил диплом и бросил ее с ребенком.

– Да, но вначале он вынудил Камиллу продать жилплощадь, оставшуюся ей от родителей, – грустно добавил Осипов.

– А ты узнал, зачем ему нужны были деньги? Сумма, я думаю, не малая.

– Естественно узнал, – усмехнулся Андрей, – пока Гафуров был студентом, он тоже подрабатывал. Говорит, хотел свой бизнес организовать, а для этого нужен был начальный капитал.

– Студент мединститута хотел уйти в бизнес? – журналистка недоверчиво покачала головой, – «Свежо предание, но верится с трудом». А алиби на момент убийства у него есть?

– Его сожительница сказала, что он был дома. Но ты сама понимаешь, чего стоит такое алиби. Да мутный он какой-то, – Андрей посмотрел задумчиво в окно, – а ты ходила в парикмахерскую на Октябрьской?

– Конечно, – она подперла кулачками подбородок, – сотрудницы Камиллы рассказали мне о проданной родительской квартире в центре города, об обещаниях бывшего мужа «развернуться» и построить дом, – она вдруг замолчала, заметив на полу у телевизора заколку Марты. Юлия мысленно усмехнулась своей догадке: «Любимое чадо так прыгала с микрофоном, что не заметила потерю заколки!»

Она резко повернулась к Андрею и спросила:

– А ты не знаешь, почему маленькая дочка Камиллы живет у чужой тети, а не у родного отца?

– Гафуров сказал, что ничего не знал об убийстве бывшей жены. Обещал забрать девочку к себе, но, – Осипов махнул рукой, – как-то неуверенно он это пообещал, когда получал подписку о невыезде.

– Его подозревают?

– Да, но у него нет мотива, – Андрей усмехнулся и добавил, – пока.

– И способ умертвить молодую женщину какой-то странный, – Юлия натянула на себя одеяло и поежилась, – по крайней мере для врача.

– А, может, этот Илья как раз и рассчитывал на то, что подумают на какого-нибудь бомжа, который грохнул Камиллу кирпичом, чем на дипломированного доктора? – Осипов нежно провел ладонью по волосам Юлии. – Давай спать, ты, наверное, устала.

– Я в выходные хочу сходить в квартиру, где жила эта бедняжка. Напиши мне ее адрес.

– Комната Гафуровой опечатана, – Андрей пожал плечами, – хочешь поговорить с соседями?

– Да, – она улыбнулась, – и не думай меня отговаривать! А еще мне нужны адреса той квартиры, где она жила раньше со своими родителями и нового места обитания Ильи.

– Юленька, у тебя на телестудии своей работы не хватает или, – он усмехнулся, – соскучилась по сыскному делу?

– Не то чтобы соскучилась. Я не знаю почему, но меня это убийство ужасно волнует, – журналистка стала серьезной, – чувствую, что там всё непросто и кроется какая-то загадка.

– Я доверяю твоему уникальному чутью и невероятной интуиции. Завтра на работе все перепишу и предоставлю тебе. Адрес места преступления я помню: улица Октябрьская, дом семнадцать.

Юлия благодарно чмокнула Андрея в щеку.

– Симонова, ты чего там возишься? – голос главного редактора раздался неожиданно за спиной.

– Я выбираю микрофон, – Юлия растерянно глянула на Карину, – в прошлый раз на съемке отходил какой-то контакт и звук получился некачественный.

– Надо было сразу инженеру отнести! Это его обязанность следить за аппаратурой, – безапелляционно произнесла та, – вам в городскую администрацию уже ехать надо, а ты собираешься, как вор на ярмарку!

Накинув кофр с кассетой и микрофоном на плечо, Юля стремительно направилась вниз по лестнице. В машине уже сидел оператор Антон с водителем Гришей. Антон, вышедший на работу после очередного отпуска, делился впечатлениями, описывая в красках курорт в Болгарии.

– Тебе там понравилось? – вежливо спросила журналистка сотрудника.

– Конечно, – заулыбался тот, – под конец море было уже холодноватое, но это же – не главное!

– А что главное? – спросила коллега.

– Компания!

– Да, согласна, – кивнула Юля.

– Представляешь, я подружился с одним актером из Москвы, такой хохмач! Столько историй рассказывал, что смеялись с утра до ночи!

– А как фамилия этого актера?

– Да ты его не знаешь, – небрежно махнул рукой оператор, – он почти не снимается, но зато озвучивает многие фильмы и мультики. Говорит, вызвали однажды на работу в выходной звук дописать. Ну, он взял с собой пятилетнюю дочку. Жена сделала ей хвостики, повязала бантики, а он купил по пути коробочку сока, чтоб ей не было скучно одной. Посадил девочку в студии, а сам пошел на запись за стеклянную ширму. Короче, в этот день они дублировали фильм ужасов. Возвращается в студию к дочке, а у нее, бедняги, вид испуганный. Один хвостик вверху, другой – внизу, коробочка от сока помятая, а трубочка стала гофрированной: покусанная по всей длине. Дочь смотрит на отца и тихо говорит: «Папочка, мне было совсем не страшно».

Водитель громко засмеялся, а Юля улыбнулась и покачала головой:

– Бедный ребенок!

– А чего? Дети должны знать, чем занимаются их родители, – весело прокомментировал оператор.

– Мне один знакомый рассказывал, – начала журналистка, – как в детстве потерял в школе ключи от квартиры. Ему было лет десять. Что делать? Пошел к отцу на работу в больницу. Спрашивает в ординаторской: «А где доктор Галкин?», ему отвечают, что его отец пошел в морг, который находится на территории больницы. Мальчик направился туда. У дверей морга стоят санитары – молодые ребята и курят. Он им бодро говорит: «Здравствуйте! А я – к папе!» А те ему цинично выдают: «Проходи, пацан, выбирай любого, там пап много!»

Оператор и водитель дружно захохотали.

– Это покруче будет, чем просмотр ужастиков! – Антон похлопал журналистку по плечу. – Нашел он папашу в морге?

– Нет, тот сам вышел!

Зайдя в зал заседаний городской администрации, Юля увидела свою подругу Лену Матвееву с другого телеканала.

– Симонова, – помахала ей та рукой, – садись рядом со мной!

– Что сегодня будут обсуждать? – спросила Юля коллегу, усаживаясь на свободное кресло.

– Снос ветхого жилья, – Лена протянула ей пресс-релиз, – возьми, пригодится для сценария.

Не успели подруги пообщаться, как президиум заполнили руководители администрации и совета народных депутатов. И полились речи, смысл которых сводился к тому, как отцы города неустанно заботятся о простом народе. Звучали призывы о нуждах населения, ава-

рийном жилом фонде и несознательности некоторых граждан, которые не хотят переселяться в комфортабельные современные квартиры.

– Конечно, – шепнула Матвеева в ухо Юле, – живут люди всю жизнь в центре, а их отправляют в новостройки к черту на кулички!

– Я бы тоже не согласилась, – кивнула Симонова.

В конце совещания зачитали списки домов на снос в ближайшие полгода.

Юля слушала в пол-уха, но при словосочетании «Октябрьская, семнадцать», она вздрогнула.

– Октябрьская – это же в Дзержинском районе? – на всякий случай уточнила она у коллеги.

– Да. Даже удивительно, что будут сносить несколько домов на окраине, – тихо проговорила Лена.

На обратном пути на студию она думала о только что услышанной информации. «Как это меняет дело, – решила она, – Андрей сказал, что у бывшего мужа Камиллы нет мотива для убийства. А вот он, этот ужасный мотив! Если они там прописаны втроем, то получают отдельную квартиру в современной новостройке. А это уже не комната в коммуналке! Надо обязательно сходить к Илье и разузнать, в каких жилищных условиях он сейчас проживает со своей новой беременной гражданской женой. И тогда можно будет делать выводы!»

Юля уже заканчивала сценарий, когда около ее рабочего стола появилась Карина Давидовна и громогласно известила журналистку о том, что кроме сюжета, который пойдет в новостях сегодня, ей надо сделать развернутый репортаж о сносе ветхого жилья на понедельник.

– Там видеоматериала только на новостной сюжет, – Юля попыталась отказаться от скучной темы.

– Симонова, ты – журналист или кто? – главный редактор встала в позу быка с медленно наливающимися кровью глазами. – Пошли оператора сделать подсъёмку! Давай, не отлынивай!

– Хорошо, – согласилась Юля, понимая, что спорить с начальством бесполезно, – а на сколько минут репортаж?

– Не меньше десяти. Да, и еще сделай сюжет с Тельмановым из департамента культуры о судьбе картины этого, – она подняла взгляд к потолку, вспоминая имя художника.

– Огюста Лепаже, – подсказала журналистка, уверенная, что Карина не вспомнит то, чего никогда не знала.

– Точно, – начальница повернулась на сто восемьдесят градусов и «поплыла» в сторону своего кабинета.

Юля взяла бланки заявок на съемки, собираясь воспользоваться советом Карины, и послать одного оператора, как вдруг гениальная мысль посетила ее голову:

«Это же прекрасная возможность поговорить с соседями Камиллы Гафуровой!» Она уверенным почерком написала: «Ветхое жилье. Октябрьская, дом семнадцать». А если с ней поедет Виктор, то это будет удачная съемка с разведкой на местности. Журналистка подскочила к графику и, увидев, что Николаев в первой половине субботы свободен, сразу вписала его фамилию в графу «оператор». Схватив трубку рабочего телефона, она позвонила помощнице Тельманова – Елене Васильевне Пучковой. После недолгой паузы Лена назначила время на утро понедельника. Схватив две заявки, Юля отправилась к координатору. Ларочка была в декретном отпуске, и ее заменяла хрупкая Вера Шмелева с густой челкой над самыми бровями и роскошным хвостом из светло-русых волос. Все сотрудники, не сговариваясь, по привычке называли Ларису – Ларочкой, тут же окрестили Шмелеву «Верочкой». Новая координатор интересовалась диетой, косметикой и неженатыми сотрудниками. На ее рабочем столе всегда лежал открытый модный журнал с яркими фотографиями фруктов, овощей, губных помад и загорелых мужчин. Не успела Симонова зайти в кабинет, как координатор выдала ей ненужную информацию:

– Юль, я хочу попробовать стать вегетарианкой! Как ты на это смотришь?

Симонова на это никак не смотрела, более того, кроме двух сюжетов и актуального репортажа, у нее были наполеоновские планы на предстоящие выходные дни. Сделав паузу и придав своему лицу самое серьезное выражение, она проговорила с заметной иронией:

– Верочка, человек – хищник! Но, если ты собираешься изменить свою систему питания, то это твое личное дело!

– А ты знаешь, что в мясе убитых животных содержатся вещества, которые провоцируют у человека рак? – с утрашающим видом опять задала вопрос координатор.

– А ты знаешь, – журналистка мигом сообразила, как ответить девушке, – какова длина кишечника у травоядных животных? Ну, например, у коровы?

– Нет, – растерянно произнесла Верочка.

– Более пятидесяти метров, – огорошила её Юля, – чтобы переработать весь силос, съедаемый за день! И учти, что, отказываясь от пищи животного происхождения, ты начнешь много есть!

– Надо же, – сотрудница покачала головой, не сводя глаз с журналистки, которая почувствовала, что мгновенно выросла в глазах молоденькой сотрудницы.

– Не забудь внести в график мои заявки, – закончив недолгую дискуссию, проговорила Симонова и покинула кабинет.

4. Портреты в унылом интерьере

Юля любила работать в выходные. На студии обычно никого, кроме охранника, не бывает. Чувствуешь себя полноправной хозяйкой. Это первый плюс, а второй – за пару или тройку часов съемок зарабатываешь целый отгул! По привычке Симонова заглянула в безлюдную редакторскую. Она мимоходом посмотрела на стене график выездов и отправилась в комнату к операторам. Николаев нагружал себя аппаратурой. Он аккуратно повесил на плечо видеокамеру, подхватил штатив и, оглянувшись на стук каблучков, протянул коллеге набитый кофр.

– Куда едем? – спросил он деловито.

– Снимать ветхое жильё в Дзержинском районе.

– Ааа, – протянул он разочарованно, – это я в графике видел. Ты же обещала, что мы будем искать новые факты и улики по убийству.

– Одно другому не мешает, – хитро подмигнула она.

– Постой-ка, – оператор заулыбался, – едем в тот район, где произошло преступление, да?

– Не просто в тот район, – журналистка повесила на руку потертый кофр, – в тот самый дом!

– Это ты удачно придумала, – отметил Виктор и пошел по длинному узкому коридору на выход.

Дом семнадцать никак не отличался от своих собратьев на неширокой Октябрьской улице с лоскутным асфальтом. Обыкновенная двухэтажная постройка с сырым подъездом и цементным полом, у торца которой стояли открытые мусорные баки, щедро разбавляя воздух городских окраин целым букетом гнилостных запахов пищевых отходов. Съёмочная группа из двух человек поспешила в подъезд.

– Начнем с первой квартиры, – проговорила Юля и уверенно нажала на кнопку звонка.

Через пару минут выглянул нетрезвый мужик в несвежей майке и, бегло осмотрев незваных гостей, буркнул:

– Че надо?

– Здравствуйте! – начала бодро журналистка, – Мы с телевидения! Нас интересуют несколько вопросов, связанных с новым проектом городской администрации о сносе ветхого жилья. Скажите...

Хозяин почесал волосатую грудь и захлопнул дверь, даже не дослушав корреспондентку, которая тут же повторила попытку взять интервью и вновь нажала на звонок.

– Отвали моя черешня! – слышали телевизионщики через «картонную» дверь заплетающийся голос.

– Хорошо, что не матом, – усмехнулся Виктор.

– Ну что же, – вздохнула Юля, протянув руку к следующей двери, – это нормально! Будем продолжать опрос.

Хозяйка второй квартиры оказалась упитанной женщиной с металлическим ободком в рыжеватых волосах. Она доброжелательно распахнула дверь, вытирая руки о фартук.

– Давно пора, – выдала тут же она, разом решив проблему сноса их дома, – трубы все ржавые, с потолка известка сыплется, пол ходуном ходит, – она безнадежно махнула рукой.

– Вы обращались в свою жилищную контору с этими проблемами? – Юля, заметив, что женщина грамотно отвечает, решила её спровоцировать для остроты сюжета. – А, может, стоит попробовать отремонтировать потолок и трубы заменить?

– Что вы, милые мои, – разговорчивая собеседница усмехнулась, – здесь никакой ремонт не поможет. Муж говорит, что лаги прогнили. Дом-то наш построен в пятидесятых годах прошлого века!

– А если вам не понравится район, в который вас переселят? – участливо спросила корреспондентка, держа микрофон в руке.

– Да разве есть район хуже нашего? – ответила та вопросом на вопрос.

– Вы имеете в виду, что здесь много криминальных элементов?

– Да вроде люди, как люди. Бывает – напьются, поскандальят. Но такое везде случается, – рассудительно ответила женщина.

– Такое случается, но у вас в доме на днях было совершено убийство! – во время возражила Юля.

– А, вы нашу Камиллочку имеете в виду, – она тяжело вздохнула, но тут же отчаянно вскрикнула, – ой, у меня картошка пригорает! – и мгновенно исчезла в темной пасти коридора.

Симонова разочарованно посмотрела на оператора, всем своим видом выражая ординарную фразу: «Ну, вот. На самом интересном месте!»

Однако, через минуту из глубины квартиры раздался голос её хозяйки:

– Ребята, проходите на кухню!

Журналистка кивнула коллеге, и они зашли в коридор. Несмотря на облезлый фасад здания, в квартире было чисто и уютно. Дама с ободком активно помешивала деревянной лопаткой в сковородке картошку.

– Садитесь, я вас чаем угощу, – предложила она.

Коллеги согласились, внутренне радуясь, что добродушная женщина готова к разговору о погибшей соседке. В кухню заглянул мальчик лет девяти со смешными торчащими ушами.

– А можно я тоже попью чай? – тихо спросил он у матери.

– Данилка, какой ты любопытный, – усмехнулась хозяйка и, посмотрев на гостей, пояснила, – к нам же никогда не приходили с телевидения!

– Да нет, – смущенно оправдываясь, проговорил мальчик, – я не поэтому. Я просто хочу пить.

– Ладно-ладно, садись, – кивнула она сыну.

– Вот что интересно, – сделав глоток из чашки, сказала Юля, – убили вашу соседку, а никто ничего не слышал и не видел.

– Да кто же увидит, – женщина опять махнула рукой, – все по своим норам попрятались. Я только на следующий день узнала, что Камилочки больше нет! Вот беда-то!

– Может быть, у нее враги здесь были? – спросил Виктор.

– Что вы, она такая добрая была! Всегда поможет по-соседски. Вон, – хозяйка погладила сына по волосам, – моего охламона подстригала всегда. И никогда денег не брала.

– Значит, никто не видел ничего подозрительного? – Юля вопросительно посмотрела на женщину.

Та пожала плечами.

– И никто из подъезда ничего не заметил?

Хозяйка опять молча только руки развела.

– А соседи по квартире не могли убить Камиллу? – Николаев осторожно поправил камеру на коленях.

– Они, конечно, любят выпить, но с ней никогда не ссорились. Наоборот, они уважали ее.

– А вы, наверное, приходите с работы поздно? – журналистка оглядела кухню. – И домашних дел полно. По соседям не ходите, да?

– Это верно, да еще сейчас темнеет быстро, – согласилась женщина, – пока туда-сюда, и уже ночь.

– А Данилка дома один, когда вы на работе?

– Да, он у нас самостоятельный! Сделает уроки, погуляет, а вечером с отцом телевизор смотрят.

– А ты, когда гулял после школы в среду, – Юля посмотрела на мальчика, – тоже не заметил ничего странного?

– Заметил, – сказал с достоинством Данил.

– Что же? – Виктор повернулся к ребенку.

– Незнакомого дяденьку видел у помойки.

– Фуф, Данилка, – его мать легонько дала ему подзатыльник, – у помойки кого только не бывает! Рассадник бомжей со всей округи!

– Да, но только бомжи всегда что-то достают оттуда, а этот, наоборот, туда положил! – ничуть не смутившись, продолжил мальчик.

– Что же он положил? – с искренним интересом спросила сыщица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.